

Рассказ

Многим людям, хотя бы раз в жизни занимавшимся какими-либо тщательными изысканиями в дальней или ближайшей истории, знакомо состояние необычайно обострённого восприятия уже не существующей реальности, когда всё происходящее вокруг отходит на второй план, становится менее существенным, нежели та область испытываемого времени, в которую изо всех сил стараешься погрузиться, чтобы постичь.

Несколько лет назад и я был охвачен таким состоянием, когда работал над диссертацией о жизни Сергея Медеянского. Человек честолюбивый, я никоим образом и в мыслях не мог допустить, чтобы мой труд явился бы всего лишь средством для достижения научной степени и лёг на полку в качестве хоть и неглупой, но, в общем, бесполезной макулатуры, столь обильно производимой до недавнего времени множеством аспирантов бесчисленных кафедр. О нет! Мне виделась замечательная монография, изданная солидным тиражом и сразу вошедшая в анналы отечественной историко-литературоведческой науки.

Я проводил бесчисленные часы в архивах и библиотеках, выезжал в разные города, связанные с именем Медеянского, и, как подводная лодка, идущая по следу крейсера, постоянно чувствовал, что держу этот след, что вода, которую я резаю, ещё недавно билась о борт крейсера. Мне мерещились отдалённые голоса умерших людей, чудилось, будто я даже могу на ощупь попробовать материю их одежд, прикоснуться к плечу, локтю, а то и даже взять под руку какую-нибудь тень угасшего прошлого, спросить о чём-либо и получить ответ, пусть невнятный, но который можно будет расшифровать.

Мне снились длинные, запутанные и необыкновенные в своей щемящей реалистичности сны. И вот однажды я увидел себя на пляже у моря, к которому сбегали горы, чьи вершины горделиво выглядывали из одеяния кипарисов и туи. Меня подвели к компании молодых женщин, сидящих и лежащих возле самой кромки прибоя, и представили им как начинающего поэта и исследователя литературы. Некоторые из женщин были очень красивые, другие не очень. Все они были одеты в старомодные купальные костюмы, две из них только что вылезли мокрые из моря, две других тотчас при моём появлении с радостным кличем кинулись купаться. Мне предложили арбуз, я пошел на мягкую огромную подстилку. Почему-то я не спешил остаться в плавках и так и сидел в брюках, пиджаке, сорочке, носках и ботинках. Только позволил себе ослабить галстук.

Я очень скоро узнал, что одна из брюнеток — Ариадна Бронц, и постарался подсесть к ней поближе, тем более что и она почему-то проявила интерес к моей невзрачной личности. Между нами как-то легко завязался разговор, будто мы давно были знакомы. В жизни... Простите, но сие, ибо всё это было сном, она оказалась гораздо красивее, чем на фотографиях, всегда заставлявших меня удивляться, что нашёл Медеянский в этой женщине, почему так страдал из-за её капризов и не замечал, какое это чудовище. Нет, снова неточность: не красивее, а выразительнее, и ещё лучше сказать притягательнее. Этой притягательности, которую я ощутил при встрече с Ариадной Бронц, не передавала ни одна фотография, ни один из тринадцати портретов, в том числе и лентуловский. Её глаза, насмешливо и одновременно настороженно, весело и то же время скорбно, мягко, но и властно смотревшие на меня, обладали несомненным даром улавливать и владеть теми, на кого обращен их хищно-замысловатый взгляд.

Не помню точно начала нашей беседы, но могу сказать определенно: я поддался власти глаз Ариадны Бронц и в первое время напропалую пустился актёрствовать — шутил, высказывал мысли, способные приятно удивлять и воодушевлять внимание собеседницы. Она то смеялась, то незлобно, а даже как бы податливо, возмущалась некоторыми из моих высказываний. Наш разговор привлёк внимание других женщин, незаметно к компании присоединилось двое-трое мужчин, и они тоже вовлеклись в разговор. Я распустил хвост и почти совсем упустил из виду, среди какого сорта людей нахожусь, пока до моего сознания случайно или неслучайно не дошло, что среди женщин присутствуют жена некоего значительного лица в коммунистической иерархии, чуть ли не Генриха Ягоды. Это меня сильно отрезвило и придало совершенно иное качество моим остротам и замечаниям. Я стал язвительен, беспощаден, смел, и, главное, вдруг избавился от плена притягательных глаз Ариадны Бронц. Я стал ближе вести разговор к темам, по которым гуляло электричество. Так мы заговорили, наконец, о жизни и смерти.

— Неужели вы и впрямь верите в загробную жизнь? — помню, спросила меня одна из женщин.

— Мало того, загораемая вы моя, — ответил я, — вы и сами вполне в это верите, иначе не стали бы с таким, простите, восторгом поедать персик. Что-то внутри вас подсказывает вам, что по ту сторону солнца и моря едва ли дадут вам удовлетворяться подобным плодом. Вы вполне спешите насладиться своими телесными потребностями, потому что отрезок этой жизни так мал по сравнению вечностью, которая ждёт вас впереди.

— А в вечности, значит, персиков не дают? — насмешливо, но поехиваясь, спросила Ариадна Бронц.

— Вы прекрасно знаете, какая именно вечность ждёт вас всех. И в том числе вас, Ариадна Львовна, — отвечал я мрачно, но тотчас поспешил смягчить безжалостное суждение: — Хотя уверен, что многие, если спросить их, предпочли бы несколько минут вашего общества любой вечности. — Многие, но не вы, как я понимаю. — Я? Моё существование вообще

под вопросом. Вы так никогда и не узнаете, кто я и откуда. Между нами беспроблемная разница Я знаю о вас, о Сергее Сергеевиче и Льева Ильича очень много, в то время как обо мне у вас никогда не будет никаких сведений.

Так я, то резко, то постепенно, стал переводить наш разговор совершенно в другую реальность, ведь находясь в состоянии сна, во власти сновидения, я осознавал, что это всё сон. И все они, а в особенности она, уже находились в подчинении моего сновидения. При этом мне удавалось подавать все мои пугающие высказывания таким тоном, что у них постоянно держалось ощущение, будто они вовлечены в какую-то интересную, страшноатентную игру. То ли я оригинально рисуюсь, то ли действительно

Александр СЕГЕНЬ

России, что это сильно их насторожило. Если я до сих пор не арестован, то непременно скоро буду. А если не буду, то значит — имею право на подобное оригинальничанье.

Впрочем, тут уж начались мои домыслы. Скорее всего, в своей среде они ко многому привыкли — и к провокациям, и к сумасшедшим, которых какая-то неведомая сила до поры до времени хранит от непосредственного участия в самых грандиозных стройках социалистического века. Вопреки ожиданиям в ответ на некоторые мои фразы не поднялось никакой паники. Женщины и мужчины оставались почти безмятежны, а вскоре отвлеклись от нашего разговора с Ариадной и полезли купаться.

Мы остались вдвоём и заговорили о Сергее Сергеевиче, о его неограниченном поэтическом даре, потраченном впустую. Я так и сказал ей, а затем принялся рисовать картину будущего, как с течением времени интерес к поэзии Медеянского будет не ослабевать, а в какой-то период даже поднимется незаслуженно высоко, но потом придут другие поколения, иные оценки и пристрастия, и бедного Сергея Сергеевича сначала станут считать смешным и жалким, а потом и вовсе забудут.

Останется разве что феномен тройственного союза между Львом Бронцем, Сергеем Медеяльским и Ариадной Медеяльской-Бронц, да и то в качестве объекта изучения сексо- и психопатологов.

Она разозлилась, глаза её вспыхнули фиолетовым адским пламенем. Передо мной уже сидела не оборотливая женщина-маска, а скользкая гадина, способная обвить человека множеством колец своего извивающегося тела и удушить.

Но это был лишь миг, лишь стремительная молния. Змея, испугавшись своего обвивавшегося обличья, юркнула назад в нору. Ариадна Львовна рассмеялась, и уже сквозь смех прокатилось эхо злобы:

— А вы ядовитенький! Ха-ха-ха! Ядовитенький мальчик. Жаль, что Сергей Сергеевич не слышит ваших речей.

— А кстати, где сейчас Медеяльский? — спросил я.

— Где... Да вон же он валяется, — указала она небрежным взмахом руки в сторону лежащего несколько в отдалении человека, голова которого была укутана полотенцем.

— Спит?

— Пьян. Напузырился шампанским с самого утра.

И в подтверждение её слов подле лежащего поэта свернула зелёным боком пустая бутылка из-под шампанского. Я всмотрелся в лежащее тело, и мне стало почти до слёз жаль Сергея Сергеевича. Он показался мне добрым морским существом, выброшенным на берег и уснувшим, чтобы не родной стихии до смерти засохнуть под палищим солнцем. Туловище, одетое в чёрный купальный костюм, казалось массивным и длинным, а поджатые ноги непропорционально короткими, словно ласты, ставшие на суше бесполезными.

— Очки разбил... — вздохнула Ариадна Бронц, показывая мне крошечные зелёные очки с расколотым одним стеклышком.

— Неужели это его очки? — невольно вырвалось у меня, до того захотелось стать обладателем этих очков.

— Да, — сказала она. — Не обольщайтесь, не думайте, будто вы один такой проницательный. Все, что вы говорите о Сергее Сергеевиче, я и сама знаю.

— И всё же не знаете очень многого, — возразил я, почувствовав, что силы она на исходе и меня начинает уносить. Купающиеся плыли назад к берегу, и мне захотелось успеть сказать ей нечто на память, сделать какую-то засечку на всю её жизнь.

— Чего же, например, я не знаю? — спросила она.

— Например, того, когда в космос полетит первый человек, — выбрал я первое попавшееся.

— И-и-и! — протянула она, распыляясь в разочарованной улыбке. — Что-то вы совсем сдулись. Даже обидно как-то. Были минуты, когда я очаровывалась вами.

— Послушайте, Ариадна Львовна, — спешил я. — Я сейчас скажу вам, а вы потом вспомните мои слова. Так вот, запомните: двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года на космическом корабле впервые будет запущен космонавт Юрий Гагарин.

Она снова рассмеялась: — О нет, нет, не надо так смеяться над бедной женщиной! Гагарин! Почему не Куракин, не Оболенский, не Шереметев? В каком году? В шестиде-

сят первом?

— Да, двенадцатого апреля.

— Так вот, запомните, мальчик, что я не доживу до того времени, никогда не буду старухой. Старость — не для меня. Как только я почувствую, что старею, приму яд. И он есть у меня под рукой.

Знаю, знаю, — усмехнулся я. — Ведь именно этим ядом вы собственноручно отравили князя Алабышева. Маска смеха застыла на её лице и окаменела.

— Несчастная вы, Ариадна Львовна, — продолжал я, чувствуя, как исчазаю. — Прекрасенько вы переживёте и Сергея Сергеевича, и Льва Ильича, и ещё двух мужей. И доживёте до двенадцатого апреля шестьдесят

первого года, когда в космос полетит Юрий Гагарин на корабле "Восток", и вы окупётесь в эту самую постыдную старость, которой вы так боитесь, а яд примете уже в возрасте восьмидесяти трёх лет...

Тут я осёкся, осознав, что напрасно сообщил ей о самоубийстве. Но она уже востро не верила мне, кивала головой и в глазах её было: "Глупый, гадкий, злобный мальчонка!"

— Идите, купайтесь, вон — зовут вас, — сказал я.

Она хмыкнула, дёрнула плечом и, резко поднявшись на ноги, направилась к морю, а я проснулся у себя дома спустя шесть лет после того, как Ариадна Бронц приняла яд на своей даче в Переделкине.

К тому времени, когда мне привиделся этот сон, я и половины не знал всего того, что мне довелось узнать потом о жизни Медеяльского и супружеской четы Бронц. И сон был воспринят мною как дикий проявление моей разворошённой исследованиями фантазии. Я охотно рассказал об увиденном сие некоторым из моих друзей, но никто не верил, что такое может присниться — такое подробное и литературовидное.

О ту пору в монолитной глыбе, именуемой "Россия XX века", ненадолго открылась щель между отжившим своё насильственным социализмом и идущим ему на смену насильственным капитализмом. Открылся доступ к архивам, свободному передвижению внутри и за пределами границ Родины и ещё не навалилось тяжкое бремя денежной зависимости, ещё не грянули разруха и война, не вылезло на свет Божий такое изобилие тупой и равнодушной ко всему, кроме распродажи, массы человеческого сброда. Я отложил уже готовую диссертацию, предвидя возможности для ещё большего её наполнения ценным материалом. Мне удалось совершить несколько очень плодотворных поездок в разные страны, в том числе в Штаты, в результате чего я обогатился фактами, которые при желании любой сможет узнать, прочитав мою книгу, если только в нынешней России, заваленной низменной печатной продукцией, мне удастся мою книгу опубликовать.

Именно в этот краткий период между Горбачёвым и Ельциным я получил документы, подтверждающие, что Лев Ильич Бронц, родившийся в 1870 году в Вильне, был не только мужем Ариадны Львовны Бронц, но и её отцом. Приехал в середине девятых годов в Америку, Лев Ильич женился там на Норе Козн и в 1899 году у них родилась дочь, которую назвали Ариадной. Нора Бронц скончалась 1915 году в Сан-Франциско при странных обстоятельствах. Неутешные муж и дочь покинули Соединённые Штаты и до 1919 года путешествовали по разным экзотическим странам мира, а летом 1919 года объявились в Москве уже в качестве супругов. История любви отца и дочери Бронцев заслуживает глубокого психоаналитического исследования, но поскольку эта тема затрагивается в моей книге в соприкосновении с личностью Сергея Медеяльского, я воздерживаюсь от её развёрнутого освещения.

Лев Бронц пользовался большим авторитетом среди большевиков, но дела его связаны больше с финансированием революции и кушанием её плодов, нежели с политикой и идеологией большевизма. Во всяком случае, Лев Ильич умудрился прожить до 1936 года в Советской России, не занимая никаких значительных должностей и при сём живя в лучших русских домах и гостиницах, всюду разъезжая, всюду суя свой нос.

В Москве с семьёй Бронц стал дружен двадцатичетырёхлетний поэт Сергей Медеяльский. Об истории его взаимоотношений с Бронцами много написано в моей книге, и потому я не стану здесь подробно останавливаться. Известно и без меня, что с начала тридцатых годов Медеяльский стал официальным мужем Ариадны, а Лев Ильич продолжал жить при них на правах доброго друга, с которым они не в состоянии расстаться. Давно, и опять-таки без меня, известно всему миру, что Ариадна Львовна была одновременно женой и Медеяльского и Бронца, она и фамилию то себе взяла в 1931 году — Медеяльская-Бронц. Другое дело, что до сих пор умалчивается факт отцовства Льва Ильича по отношению к Ариадне Львовне, а также и то, что дочь оставалась любовницей своего официального мужа.

А поскольку не исключено, что эта записка увидит свет раньше, чем книга "Сергей Медеяльский", то здесь я спешу предупредить всех, интересующихся литературой и историей об этом более чем странном альянсе. Даже обожатель подобных пикантностей Григорий Климов до сих пор ничего не написал об этом.

И всё же основная цель моего рассказа иная. Естественно, что в книге о Медеяльском я на повестку о своём необыкновенном сие про пляж и разговор с Ариадной Бронц. О нём я пишу здесь и только здесь. О нём и о том фантастическом продолжении,

которое этот сон получил в моей действительной жизни.

Отправляясь в Германию, я уже имел достоверные сведения о том, что патологическое существо, появившееся в двадцатых и начале тридцатых годов в застенках киевской и московской чрезвычайки и известное под кличкой "Ядочка", в своей наземной жизни именовалось Ариадной Львовной Бронц. В жизни подземной, оборачиваясь Ядочкой, эта рептилия с наслаждением участвовала в изверских пытках. О, она была вдохновлена идеей — она предупреждала истязаемых, что мстит им за некое многовековое зло и рабство народа.

Но больше, чем идея мести, её охватывало едва ли не сексуальное возбуждение, когда она собственноручно ручной отрезала какую-нибудь частичку тела у бывшего полицейского чина или у какого-нибудь судебного репортёра, в своё время не слишком пылко защищавшего в прессе борцов с многовековым злом и рабством. Или у того самого князя Алабышева, про которого одно время просочились откуда-то слухи, будто отравила его лично Ариадна Бронц. Она отравила его, это точно. У неё имелся пузырёк с редким ядом, до-

ставлявшим особенные муки. Сей пузырёк всегда был при ней; сколько раз она заглатывала Медеяльского, что выпьет содержимое пузырька без остатка; у пузырька даже было имя —

разумеется, Аввадон. "О как я боюсь этих длительных, ползучих расставаний!" — писал в одном из своих писем Медеяльский. — Как страшит меня твой жуткий Аввадоша, будь он трижды неладен. Как я молюсь порой, сам не зная кому, чорту лысому, чтобы зелье выдохлось или превратилось в коньячок. Адочка, ненаглядная, лодочка моя, грудочка, маточка, ушко берлинское! Заклинаю тебя Адочка, всеми силами ада Чка, — выкинь ты эту мерзость в какие-нибудь волны или подари финнспектору; скажи, мол, от заповор помогает". Дальше в том письме следует рисунок — несует гроб с финнспектором, а за ним идёт похоронная процессия — слоник и змейка, как изображал себя и Ариадну Львовну Медеяльскую почти во всех своих письмах к ней. Кстати, я помню, как всё во мне зашевелилось, когда я сопоставил слоника и змейку с рисунком из "Маленького принца", где Экзюпери изобразил слона, печально сидящего внутри заглотившего его удава...

Не об этом ли "Аввадоше" в одном из самых нелепых стихотворений Медеяльского? — "Кричащих битумов безрадостная стын... и т.д.

Известное стихотворение, незачем приводить его целиком. Кому интересно мой рассказ, перечитайте эти десять строф и задумайтесь. Не о жертвах ли Ядочки идёт речь? Хотя до сих пор не известно, знал ли сам Сергей-то Сергеевич о том, что Ариадна Львовна не только "лодочка", "маточка", но только "ушко берлинское" и "сладость медеяльская", и даже не только "змеюшка змейская моисейская", как в некоторых письмах с наёмком на библейского медного змия, с помощью которого Моисей спас в пустыне народ свой от укусов живых змей, — но ещё и легендарная Ядочка, которая, намучив очередную свою жертву, давала ей капелку "Аввадоши", дабы и предсмертные муки несчастного человека доставляли мучительнице полноту удовольствия...

Итак, я приехал в Германию, где прочёл несколько лекций в маленьких университетских городках Рейнской области и Вестфалии. Я видел скалу Лорелею, забирался на самый верх Кёльнского собора, в котором покоятся мощи трёх волхвов, пил пиво, ел вюрстхен, бродил по прынчичным улицам из сказок братьев Гримм и всё такое прочее. Последний город, в котором мне довелось побывать перед возвращением в Кёльн, а отсюда через Франкфурт-на-Майне — в Москву, был Аахен, волшебный Аахен, где в Домском соборе стоит гроб Карла Великого и хранятся пелены младенца Христа. Я настолько был тронут и восхищён красотой этого маленького, но знаменитого городка на месте схождения Германии, Бельгии и Голландии, что нарочь забыл о пребывании здесь в 1931 году супружеского трио Медеяльских-Бронц во время их путешествия через Европу в Америку и обратно. Да, честно признаться, уже тогда я сильно начал тяготиться своими исследованиями в этой области, мне уже тогда, хотя и меньше, чем сейчас, хотелось уйти куда-то к свету, чистоте, здоровью души.

Никогда не забыть мне упойительно-го вечера, который я провёл в гостях у редактора журнала "Osteuropa" Александра Штайннингера. Мы сидели за обильным столом, говорили, смеялись, пели, читали стихи. Штайнninger в молодости был в России в качестве военнопленного и с той поры влюблён в мою Родину и в мой народ. Вторым его гостем был в тот вечер Феликс Розинер, писатель, эмигрировавший из России сначала в Израиль, потом в Америку. С ним у нас состоялся отличный дуэт, и мы спели песен тридцать, если не больше, начиная с "Как ныне собирается вещий Олен" и кончая песнями на стихи Фа-

тьянова и Исаковского, под бурный восторг и аплодисменты Штайннингера, его милых жены, сына и невесты сына, французки, которая потом не без запинки спела народные французские песни, а её будущая свекровь сыграла нам на губной гармошке. Короче говоря, вечер удался на славу, и в гостиницу "Ибис", где мы с Розинером остановились, Штайнninger отвёз нас на своём "Мерседесе" уже в два часа ночи.

Войдя в свой номер, пьяненький и весёленький, я принял душ, а в ушах у меня всё ещё звенел смех, в глазах мелькали улыбки, а в сердце ещё плыла последняя песня, которую мы с Феликсом исполнили для радужных хозяев перед уходом:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая...

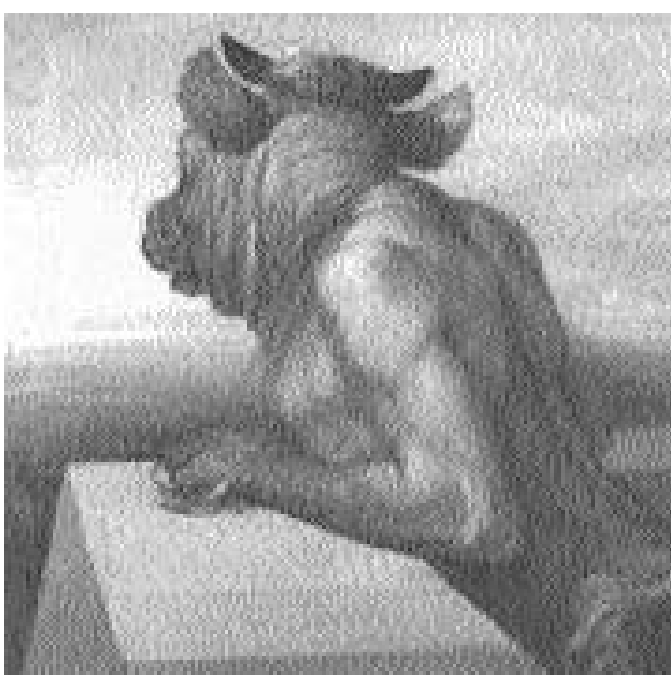
И я уже стал с тоской думать о той хорошей и красивой, что ждала меня дома в Москве, как вдруг раздался телефонный звонок. Я снял трубку, и ко мне обратились по-русски, хотя и с очень сильным акцентом:

— Здравствуйте. Это говорит Александр Георгиевич Кардашов?

— Да, он самый.

— Если не ошибаюсь, вы есть исследователь жизни и литературы Сергея Медеяльского?

— Не ошибаетесь.

— Простите, не понял — вы есть или не есть?

— Да, я есть тот самый Кардашов, который написал книгу о Медеяльском, — медленно, с расстановкой, чтобы человек понял, ответил я.

— Очень хорошо. Здесь сейчас это разговаривает с вами сын Ариадны Медеяльской-Бронц. Меня зовут Якоб Менш.

Весёлый хмелёк, под которым я вернулся от Штайннингера, вмиг превратился в нечто скучное и пошлое, как выдохшееся пиво. Ещё одна тайна Ядочки! Боже, как они наделели, эти её тайны, старательно раставленные по всему миру, словно ловушки для мелкого зверя и птицы!

— Слушаю вас внимательно, — сосредоточенно сказал я.

— Вы могли бы сейчас здесь приехать ко мне? Я живу недалеко от гостиницы "Ибис", где есть располагаетесь вы. Я приехал за вами такси.

Я немного поразмыслил — это меня вполне устраивало, ведь мой отъезд из Аахена завтра вечером, а днем Штайнninger обещал повозить меня и Розинера по Бельгии и Голландии. Я уже был не так увлечён собиранием подробностей жизни Медеяльского, как пару-тройку лет назад, и охотнее предпочёл бы поездку. Тем более что в последнее время из судьбы Медеяльского исследования уводили меня в судьбу Ариадны Бронц, от которой меня уже тошнило.

— Хорошо, я готов.

— Какого у вас адрес? Я позвоню в такси-сервис, не беспокойтесь. Ждите, — сказал Якоб Менш и повесил трубку. Даже за несколько недель в Германии я не привык, что ждаться такси здесь не то, что в некоторых других странах, и в очередной раз был ошарашен, когда через пять минут позвонила консьержка и сообщила, что у входа меня ожидает такси. А ещё через четыре минуты таксист привёз меня на Вильгельмштрассе, до которой я спокойно мог бы дойти пешком за десять минут.

Возле дома, у которого остановилась машина, меня встречал пожилой мужчина. Увидев, что я собираюсь распахиваться, он осветил просунул голову в окошко автомобиля и, пробормотав: "Nei-nei-nein", — сам заплатил указанную на счётчике сумму, а уже потом, открыв дверцу, освесомился:

— Herr Kardaschov?

— Ja.

— Bitte, willkommen.

Я последовал за ним, заключая, что если он не говорит по-русски, следовательно, это не он мне звонил по телефону. Мы поднялись на третий этаж, вошли в квартиру, меня одолевал сон, и уже казалось, что всё это снится. Встречающий провёл меня в одну из комнат, где я увидел некое человекоподобное существо, сидящее в инвалидном коляске напротив искусства, но очень похожее на настоящую, камин. Голова этого существа, покрытая пышной седой барашковой шевелюрой, казалась огромной по сравнению с крошечными плечиками, куриной грудью, короткими и тонкими руками. Ног у него почти не было вовсе, как у придворного карлика на одной из картин Веласкеса. Одет господин Менш был в какое-то ярко расшитое огненными драконами кимоно, и, видимо, только оно могло как-то скрывать его карикатурность.

Я подошёл, чтобы пожать его лиственную лапку. Несколько секунд мы внимательно разглядывали лица друг друга. Из-под крупных очков с сильными диоптриями на меня смотрели печальные, но в то же время очень живые глаза, непомерно большие губы постоянно двигались, будто дегустировали каплю старинного вина.

— Это мой слуга, Штинкер, — сказал Менш, когда Штинкер подставлял мне кресло. — Будете как дома. Сколько вы имеете времени для беседы со мной?

— В восемь часов за мной должны приехать в гостиницу, — ответил я, убавляя один час — Штайнninger обещал приехать в девять.

— Пять часов. Очень хорошо. Как говорится, не будем тратить время. Вам должно быть интересно, как я нашёл вас. Могу сказать одно — вы постоянно находитесь в поле моего зрения с тех пор, как были напечатаны ваши первые статьи о Медеяльском. Мне нравится та искренность, с какой вы интересуетесь судьбой моей матери и её поэта. К сожалению, как вы сами догадываетесь, есть многое в их истории, что должно остаться тайной. И не ждите, что я буду открывать вам некоторый секрет. Скажите, известно ли вам было что-нибудь о моём существовании?

— Я знал, что Сергей Сергеевич, Лев Ильич и Ариадна Львовна в тридцать первом году посетили Аахен, но о вас, как и вообще о том, были ли у Ариадны Львовны дети, я, признаться, не знал до сего дня ровным счётом ничего.

— Это и понятно, — печально усмехнулся он.

Штинкер принёс напитки, печенье, орешки и ушел. Разговор между мной и сыном Ариадны Бронц неожиданно потёк по какому-то отвлечённому руслу, что, естественно, стало меня раздражать. Менш принялся расспрашивать меня, какие художники мне нравятся, с его и моей стороны посыпались оценки Кандинского, Малевича, Шагала, Пикассо, Эль Греко, Боттичелли, Тициана, Лентулова, Латура, Глазунова, Дали, Кустодиева, Дика, Нольде, Веласкеса, Редона, Рубенса, Ренуара и так далее... Кончилось тем, что Менш заставил меня встать и взять со шкафа приготовленный для меня в подарок альбом Вадима Сидура, что можно было вполне расценить как издёвку, поскольку из учинённого мне допроса хозяин мог чётко уяснить — трупы, виселицы и фаллические пистолеты этого мрачного конъюнктурщика не вызовут во мне ничего, кроме омерзения. Но я всё же поблагодарил Менша за подарок, после чего начался второй тур — музыка. Мы столь же подробно перепробовали всех композиторов от Альбино до Шнитке, а в итоге я получил в подарок пластинку, на которой значились симфонии какого-то Шмуцельчика. Конверт пластинки был щедро расписан мазней в духе Сидура, из чего можно было сделать вывод и о характере записанной там музыки. После разговора о поэзии я получил более-менее сносный подарок — то-носенький сборник стихов Иосифа Бродского на немецком языке.

Часы пробили пять. Глаза мои мучительно слипались, чему немало способствовали различные ликёры, которыми меня потчевали. Я стал чувствовать себя в ловушке, если не хуже — в застенке. Менш явно издевался надо мной, наслаждаясь моими мучениями, пусть и не такими страшными, как те, которыми развлекалась когда-то его мамаша, садистка Ядочка. Глаза этого уродца с каждой минутой делались всё живее, а печаль в них сменялась неким кровожадным азартом. Наконец он опомнился, прервал нуднейшее рассуждение об архитектуре "несравненного" Гауди и произнес:

— Мне кажется, мы с вами заболтались. Поверьте, мне приятно было найти в вашем лице образованного и разностороннего собеседника. Я вижу, что это и есть вы. Тот самый.

— Тот самый?... Хм, благодарю вас... — пробормотал я.

— Да, тот самый, кому я имею надобность показать одну рукопись. Вы не узнаете, каким образом она попала ко мне. Вы также не узнаете ничего больше того, что прочтёте тут. Когда вы закончите чтение, я отберу у вас рукопись, и мы попрощаемся.

С этими словами он сунул руку себе подмышку и извлек из складок кимоно толстенную тетрадку небольшого формата.

— Вот, читайте, а я, если не возражаете, буду с любопытством смотреть на вас в это время, — сказал он, протягивая мне тетрадку.

Открыв первую страницу, я вмиг проснулся. Передо мной был дневник Ариадны Бронц, начинавшийся 1959 годом. Я сразу узнал её редкостно мелкий почерк — Ариадна Львовна всегда писала так, будто старалась не начертить буквы, а спрятать их в бумаге.

— Час поздний, нельзя ли попросить луну? — спросил я.

— Штинкер уже спит, а я порой не знаю, где лежат некоторые мои вещи, — ответил Менш с издёвкой во взгляде. "Чорт бы тебя побрал!" — искренне пожелал я этому — незнанию, Якову Львовичу или Якову Сергеевичу. А может быть, Якову Аввадоновичу?

Можете себе представить, насколько трудно мне сейчас воссоздать прочитанное в ту ночь в гостях у Якова Менша. Записи в своём дневнике Ариадна Бронц вела не постоянно. Это были короткие отрывочные фразы, лишь в очень редких случаях отнесенные с предшествующими им датами. Приблизительнейшим образом привожу здесь то, что мне запомнилось в записях, и настаиваю, чтобы это никто и нигде не смел цитировать в качестве ссылки на документ.

"10 января. Мела метель. Белая, белая, как тот дельный год, от которого у меня остался лишь старый шёлковый пенюар. Слышу запах, вижу пустые глазницы прошлого, я, которая не хотела дожить и до сорока лет.

15 января. Всё-таки, это север. Варвара уговаривает меня пить какую-то святую воду из каких-то зде-